

Б И Б Л И О Т Е К А

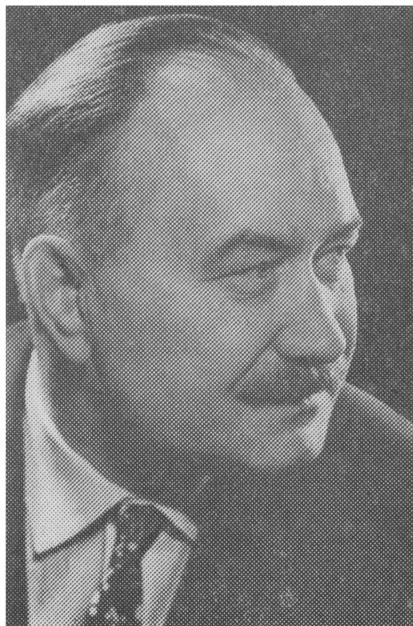
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 10

1984

Сергей ПОДЕЛКОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ОЖИДАНИЕ ЖУРАВЛЕЙ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 10

Сергей ПОДЕЛКОВ

ОЖИДАНИЕ ЖУРАВЛЕЙ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1984

Сергей ПОДЕЛКОВ

Сергей Александрович Поделков родился 21 сентября 1912 года в деревне Песочне Калужской губернии в семье рабочего. Детские и юношеские годы поэта прошли в Москве, Киеве, в Алтайском крае. Учился в Литературном институте имени А. М. Горького.

Трудовая жизнь поэта началась рано, он был ткачом, грузчиком, лесорубом, землекопом, журналистом, редактором.

Первые стихи опубликовал в журнале «Огонек» в 1931 году.

Первая книга стихов вышла в 1934 году в издательстве «Молодая гвардия». Во время Великой Отечественной войны сражался на фронте. Был пулеметчиком, сапером, понтонером. После войны вернулся к литературной работе. Им выпущены книги стихов и поэм: «Поле жизни», «Горящие деревья», «Власть сердца», «Ступени», «Бег огня», «Тревожная страда», «Журавлиная клинопись», «Избранное» в двух томах и ряд других сборников.

Сергей Поделков известен как переводчик фольклора народов СССР. Наиболее крупные работы в этой области — «Марийские песни», киргизский эпос «Эр Табылды», мордовское эпическое повествование «Сияжар».

Сергей Поделков выступает и как критик, публикует статьи о современной поэзии. Преподает в Литературном институте имени А. М. Горького.

ДОРОГА

Будь же ты вовек благословенно.

С. Есенин

День-деньской гудит дорога,
в сердце и в уме теснится,
то крута, а то — полога,
а по ней всё колесницы,
всё телеги, всё повозки,
голоса в пространстве: «Трогай!» —
и как тени отголоски...
Вековечная дорога!

Кони в лёт — кипят колеса,
у оглобель — через кочи
сапоги бегут, и посох
ковыляет у обочин,
на снегах визжат полозья,
время вьется крутогого,
в изумрудах и навозе
сумасшедшая дорога!

И сияют сказки, притчи,
и горят костры, как перстни,
и слышны далеко кличи,
топот, свадебные песни,
шепот шелка и ряднины,
пляска бубнов, зовы рога,
пыль — и спины, спины, спины...
Бесконечная дорога!

На постое раб с вельможей,
друг на друга смотрят хмуро.
В белой, в черной, в желтой коже
мужиков и баб фигуры;

спят, целуются, — рождаются
пряжи, ткахи, огонь пророка,
кузнецы и рудознатцы...
Незабвенная дорога!

И набухнувшие груди
день и ночь сосут младенцы,
смерть в гробах уносят люди
на расшитых полотенцах;
блещет юность, зорям вторя,
мучит старость, как изжога...
Это — в радости и горе
есть бессмертия дорога.

РОДНОЕ

Горячий солнца глаз.
Деревня.
Рань.
И дрожь души,
и сдавлена гортань.
Конь возле речки.
Рощи в летних ситцах.
О поле русское,
рожь колосится...
Ты здесь родился.
На колени встань!

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Умирает поздняя звезда,
холодок рассвета, синь густа,
мощная широкая заря.
Лес в пару, в просветах янтаря,
перезваниваются ручьи.
Жилы солнца — взбухшие лучи —
пронизали дрёмные верхи,
расползлись голубые мхи.
Дятел сел на черный осокорь,
из-под кожи вышибает хворь.
Весел крапчатый болиголов,
яд в соцветьях зонтичных узлов,
как отравя ласково цветет!

Наст на болотце в рёлках,
зверьих следов мельтешня,
и почерневшим проселком
перебита лыжня.

Пальцами длинного света
веток касается день,
разбивается сон,
и где-то
хрустальное: дзвинь, дзвень...

Зыбкие, тонкие токи,
мягкий припек — благодать.
Погода, как девичьи щеки,
которые
хочется поцеловать.

Медовая позолота
в воздухе талом видна,
и птичьего перелета
звенит лебяжья струна.

Неуловимы усилья солнцеворота.

Канун!
Расправляет природа крылья —
птица-женщина Гамаюн.

В роще
музыка пробужденья.
Треснула синь в ветвях.
От потепленья,
от возбужденья
ноги берез в слезах.

РУКИ

Руки матери — хлеба исток.
Плотен поля ржаного уток,
клин в сиянии спелого блеска.

Мне все мнится:
 вблизи перелеска
материнский
 белеет платок.

* * *

Да что ж это — быть или небыль?
Ребристая прорва воды.
И сердце раскрыто, как небо,
и ловит босые следы...

Песок и река,
и откосы
в беспечно гулящей траве.
Ах, властные дымные косы,
мой взгляд, словно на тетиве!

А отмель в намывах рубчатых,
тюленьями спят валуны,
глубок на песке отпечаток
нервической женской спины.

Но грех — как пожар,
он в залоге,
рисунок ухода слежу,
весь облик — и груди, и ноги,—
зову, от потери тужу.

Замедленно и лукаво
она поднимает ступню,
взгляд искоса,
вправо да вправо...
Нет, я тебя... Я — догоню!

НА ПУСТЫРЕ

Болезненный пустырь.
 А был порог,
герань на окнах —
 и девичий вздох.
В саду
 над нами месяц плыл,
 скиталец,
мы до зари
 с подругой целовались...

Где — что...
Полынь.
Горит чертополох.

СТРАДА

Страда.
Колосьев шум.
Колюча ость.
Серпом срезаю рожь —
за горстью горсть,
сноп под коленом
стянут перевяслом.
Снопы мои стоят
в крестце согласном...
Кто скажет мне,
что на́ поле я гость?

* * *

В этом мире и поля, и пущи,
дух огня,
хула
и фимиам,
меньше сеющих
и больше жнущих,
предпочтенье —
сеющим! —
отдам.
Я и сам сыздетства шел за плугом,
песни пел
и сеял семена,
так, что в поле
голова шла кругом
и шумела, будто от вина.

МИГ

От солнечного чада город мглист,
в горчичном возбужденном свете зданья.
Куда торопится мотоциклист?
А за спиной — она, любовь, дыханье...

И старь, пьяным пьяна, на миг
из-за угла на мостовой возникла.
На столб, на столб швырнула скорость их,
кипящие колеса мотоцикла.

Кто мог предвидеть это на земле,
в сладчайшем мире, милом и жестоком?
Она тиха. Он тих. Они во мгле.
И радио струит фокстрот из окон.

ЕДИНСТВО

Упрек: вновь кони?
Пахнет стариной,
отстал от трактора.
Вина виной,—
а мне
так сладко повторять при этом:
мысль мудреца
и песнь поэта —
в одной упряжке коренной.

ОСЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ

Летят по ветру листья,
как во сне,
деревья голы —
плачут в тишине,
и я прислушиваюсь
скрытно
к плачу...
Какая же
томит их неудача?
Чу!
Звон пилы!
И зубья — как по мне...

ОЖИДАНИЕ ЖУРАВЛЕЙ

Горячо, непрестанно, упрямо
мысль одна бьет и бьет, как родник...
Разломилась зимы панорама,
и я слухом к природе приник.

Настежь дверь — и тайга.
Ветви шатки.
Бочаги — каждый будто ушат.
Снег разодранный сер, и остатки
волчьей стаей побитой лежат.

Вышел на берег. Круча полога.
Через Ижму с растреснутым льдом,
как протянутый ужас, — дорога,
с перебитым и черным хребтом.

Вешний звон.
Сосны с отсветом меди.
Теплой хвои курчавится дым.
Рев зевающего медведя
над прибежищем зимним своим.

Солнце кажется мертвым, как болтень,
в облаках... Но идет все звончей
мена дней —
мерзлых сумерек в полдень
на обилие белых ночей.
Ну, а сердце обманется нечто
на таком временном рубеже?
И врывается ветер надежды
и, как белка, играет в душе.

Будет музыка мысли и света,
слово вспыхивать и пламенеть,
и свободное пиршество лета
на земле будет сладко шуметь.

Все, что было — и стужи отребье
и печаль, — оттеснит забытье.
Журавлиная клинопись в небе
возвращает мне время мое.

УХОД

Я все прощаю — и покидаю
и этот город, где я родился,
и этот дом, что резьбой украшен,
и эту женщину, у которой
глаза полны тишины осенней,

неизмеримо светящейся боли
от необдуманного поступка.
Все в ней замерло в ожиданье:
чувства, мысли, глаза и руки,
зимняя бледность пометила щеки,
обведенные дымной прической...
И кажется — осеклось дыхание,
и кажется — остановилось сердце,
и кажется — сама она через мгновение
гордо надломится от напряжения.
Нет, ей не надо великодушья,
все же страх потягивает на зевоту,
белый страх... А-а... Не от того ли
стерлась извиня губ ее жарких...
Ей тесно, не в силах пошевелиться,
скованная ожиданием гнева,
тем, что захлопну дверь за собою,
и портрет, что висит в простенке,
на пол сорвется от сотрясения...
В окнах синий рассвет еще в звездах,
о стол оперлась она под абажуром.
Немо, почти что неошутимо,
я медленно дверь притворяю...
И лестница под шагами гнется,
блики лампочки на перилах
при спуске поблескивают, как иглы.
Тихо, тихо...

COH

1

У кладбища прилег я и заснул,
я слышал черепов тяжелый гул,
восстание мыслей,
смутный ветхий ропот,
а вы, друзья,— меня отпели скопом,
составив сыска черный караул...

2

В слезах распавшееся забытьё.
Во сне я сердце увидел свое
в рубцах и синяках,
в кровоподтеках...

Рвал сна силок...

И, опершись на локоть,
я тяжко встал, чтоб встретить бытие.

РАСПРАВА

Среди радости русского леса
поднималась она,

хороша,
сто колец прорезало железо,
золотая открылась душа...

Повалилась сосна,
повалилась,
подрубили ее мототу
не за слабость корней,
не за хилость,
за величие,
за красоту.

ПОДРАНОК

Что такое подранок?
Больное время души.

За доверчивость —
пуля!
За чистоту
весеннего любопытства —
пуля!
За то,
что ты ходишь
по сплетениям троп,
изучаешь шепот травы
и древний говор деревьев —
пуля!

За радостное восприятие
вечно текущего неба —
пуля!
За храбро поставленные глаза —
пуля!

Нет случайности
в содеянном браконьером,
зло, пожалуй, не в пуле,
посылаемой им из ружья,

зло гнездится
в его завидушем теле,
зло — это мысль,
веселящая
черную кровь убийцы,
убийцы,
забравшегося
на чужую территорию,
в заповедное,
и затаившегося,
выжидающего
огнестрельного мгновенья.

Что ж ты недоумеваешь, подранок?
Оно прикидчиво,
это племя браконьеров.
В нем
неистребимо желание
снять с тебя шкуру жизни,
испытать
злорадное превосходство
над твоею судьбою.

Сердце твое, дорогой подранок,
мечется слепо
между умыслом врага
и беспечным незнанием
опасности,

скрытой в засаде.
Сердце бьется
между явью и тайной,
между ночью и полднем,
между радугою и снегом,
и душа твоя теплая,
благодатная —
будто лето,
получает пулю.

А птицы раскричались,
раскачиваясь
в зеленом небе,
звезды проносятся над тобой,
удивляющийся подранок,
превозмогающий недуг —
ожесточенный выстрел;
деревья бегут

в неизвестном направлении
так же,
как и мои мысли и намерения,
растерянные
из-за накинувшейся клеветы...

Как я хочу, чтобы ты увидела
в моей
скорчившейся душе
непостижимый рисунок боли.

КРУГЛЫЙ ГОД

Ветви рушатся —
бор худеет,
звезды падают —
высь светлеет!

Лето мускульно —
в жаркой силе,
и в кустарнике —
рог лосяный...

Солнце к западу —
тень длиннеет,
ночь навалится —
мысль немеет...

Вслед заря опять,
тьму осилив,
дым над трубами
ржаво-синий.

Колос бронзовый —
нива зреет...
Поле убрано —
жнивие тлеет.

Из-под облака
крик гусиный.
Луг — и дремлющий
мерин сивый...

Снеги сеются,
вьюги веют,
степь просторнее,
даль мертвеет...

Солнце в облаке —
как в трясине,
оголяются крыш тесины.

Звон капели. И —
воздух млеет...
Мысли точатся,
слово мреет...

Полн искания
взгляд мой синий.
А кругом вели-ка-я
мать-Россия!

ЭТЮД ВОИНЫ

Картина горя, вставленная в нишу...
Больные пятна расплескал пожар,
клыки огня уже пробили крышу,
начесы дыма, как ночной кошмар.
Багровый снег.

И отсветы — мазками.
И в стеганке —
спиной к избе — она
прижала судорожными руками
к груди ребенка...

Люди, ей видна
пучина пустоты, где смерть, обрушась,
оставила клеймо следов косых.
А очи?

Их огромный круглый ужас,
как остановленные вдруг часы.
Что там?

Глядит, глядит.
На ней лица нет.
Следы — за раму — в угол...

И в мозгу:
два правых каблука двух полицаев,
меж ними задник валенка в снегу...

ГОРЕЧЬ

Что ж, люди,
вашу горечь
пью до дна.
Знать, не дождусь,
когда душа оттает...
Как холодна судьба,
как холодна! —
зуб на зуб
аж не попадает.

Из цикла «МАРИЙСКИЕ МОТИВЫ»

1. ТЕЛЕФОН

От веселой думы нынче
у меня на сердце жарко,
если б дума вышла явью,
ой, как было б хорошо мне!

От села и до деревни
шла б шоссейная дорога,
шла б дорога со столбами,
ой, как было б хорошо мне!

От меня и до милого
шел бы провод телефона,
шел бы провод между нами,
ой, как было б хорошо мне!

И слова б мои катились
вдоль по проводу к милому,
а навстречу его голос...
Ой, как было б хорошо мне!

Хоть и тонок этот провод,
разговор наш умещался б,
не стихал ни днем, ни ночью...
Ой, как было б хорошо мне!

Соловьем сверкает перстень,
на платке играют звезды,
через рожь, как провод, стежка.
Дума думой, но объятье...
Ой, как будет хорошо мне!

2. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Пришла в перелесок
и звук топора услышала,
ой, услышала.
Топор — да не тот,
и мне грустно стало.

Пришла на луга я
и звуки косы услышала,
ой, услышала.
Коса — да не та,
и тревожно мне стало.

Пришла я в деревню —
гармоники зов услышала,
ой, услышала.
Гармонь — да не та,
и мне боязно стало.

Пришла я в отчаянье
к тихому дому,
пришла я к больному...
И сразу мой друг стал здоровым.
И на сердце солнечно снова.

ГЕРБ ГОРОДА ЗМИЕВА

Иду!
Заря, заря.
Доносится шуршанье.
Следы выдавливает мой башмак.
Над краснотой песка дрожащий черный знак,
знак вопросительный.
Обострено внимание.
Земля, вместилище существ живых,
как я боялся в детстве змей твоих.
Вот и сейчас —
на кратком расстоянии
трепещет жала волосок, шипит гюрза,
пружиной вскинута,
жгут властные глаза,
наполненные колдовским сияньем.

А ты, град Змиев, держишь над собой
свой герб, рептилию; с какой любовью
в пространстве коронована она;
но для защиты злоба ей дана.

Я камня не ищу
и не ломаю жердь,
беру змею,
настойчив и бесстрашен,
и яд ее
лью в золотую чашу,
и ядом смерти поражаю смерть.

* * *

Восторженны товарищи мои:

«Какая оттепель!

Ручьи, ручьи!

День еще мглист —

а шелковисты лозы».

Но обжигавшийся

о белый свет,

о стужу,

чья отхлынули угрозы,

прищурясь,

озирает небо дед:

«Опять бы не ударили морозы...»

* * *

Ночь с острою луной,

весь дом наполнен снами.

Бессонница со мной —

что делается с нами...

Во власти тех же звезд

наш Павловск в зимних сводах...

И память, будто мост,

легла вдруг через годы.

Я ею взят в полон.

Дымится чашка кофе.

Во мне — то ль крови звон,

то ль голос Нины Гоффер.

Воображенья дар

как бы из пепла лепит

душевный, странный жар,

переходящий в трепет.

ГЕРБ ГОРОДА МОЛОГИ

Ольге

...А зверь убегал!

И по следу, что ломан
и крив,
 между голых берез перелеска
катился толчками
 охотничий гомон,
трещали
 кусты и валежины
 резко.

И лопался воздух
 от лая и визга,
пылали и клацали
 пасти собачьи,
и свора,
 зверь чуял,
 кипела так близко,
что вот-вот клыками
 ухватит за гачи.

Скакал,
 как нырял,
 между сетчатых веток,
отчаянье чудилось
 в поступи шаткой,
нырял и выныривал
 в синих просветах
и рывкал
 с оскаленной
 нервной оглядкой.

А смерть обегала,
 гналась лихоимка,
а зверь задыхался,
 косматен и меден.

И все это шло
 накануне зазимков,
и некуда было податься медведю.
Он в петле облавы, и мало-помалу
Уже им беспамятство
 овладевало,
и страхом пригнало
 к старинному валу

Мологского княжества,
где ты играла...

Ты шла в гущине
лопухов и полыни,
смеялись на платыце
очи ромашек.
И ты удивилась
внезапной картине:
медведь на валу,
и кивает,
и машет...

Как руки — ребенок,
он перед тобою
передние лапы воздел —
и ни с места...

И ты повела,
будто в сказке,
рукою;
и по мановению
детского жеста
осеклась погоня,
и замерли речи,
рогатины сникли,
захлопнулись пасти,
грозившие ружья
шмыгнули за плечи,
споткнулось
и окаменело злосчастье.

И ты протянула медведю
бесстрашно
ломоть аржаной,
желтым медом намазан;
зверь смачно жевал
это сладкое брашно,
лизнул тебе руку,
задумчивоглазый.

Таким на валу
и остался он,
стоя,
таким и запомнился,
словно преданье,

в Мологском гербе,
 где дубовой листвою
и лентой повито
 его пребыванье.

А позже —
 накинулось хищное море,
князь-город звучавший
 навек затопило:
свет в окнах,
 леса,
 голоса на подворьях
и зверя,
 которого так ты любила.

Зверь в памяти.
 Скорбь его тихая гложет;
и мнится:
 он в знаках любви и тревоги,
и ждет он тебя
 и дожидаться не может
на старом валу позабытой Мологи.

А волны шумят, как тяжелая сеча,
и хочется в прошлое
 сердцу взглядеться...
Да, было все это
 далече, далече,
во мгле
 твоего
 потонувшего детства.

НЕВЕСТА

Она хохочет.
 И в прищуре зной.
И ветвь черемухи. И тень дыханья.
О! Этот голос радостно-грудной
подобен утреннему воркованью.
Она хохочет.
 А за ней — откос,
утыкан пруд кугой,
 цветеньем былок;
как нимб, славянский лен ее волос,
рука, закинутая на затылок.

Душа
в изнеможенъе счастья,—
снова
из печи лета
 вынимают слово:
ХЛЕБ!

ВЕК

Век на исходе.
 Полон тайн.
 Двулик.
Настойчив разум,
 в микромир проник.
И бога
 к черту
 вытеснили с неба...
А люди в голос:
 хлеба!
 хлеба!
 хлеба!
Но роботы
 не слышат
 этот крик.

СВАДЬБА МОЕЙ ЖЕНЫ

(Рассказ старого моряка)

Кони,
 кони,
 кони,
 кони!
Сколько их в конце концов?
В лентах дуги,
 в перезвоне
 прыгающих бубенцов
с колокольцами Валдая.
Шлеи в звездах...
 Что за черт?!
Пары.
 Тройки.
 Пыль густая.

Я к обочине притерт.

Песенны,

звонкоголосы

поезжане там и тут...

Ах, кипящие колеса

поезд свадебный несут!

Шаферы, девчат орава,

дышат кони горячо.

Ловки дружки —

накось

справа

рушники через плечо.

Тройка серых...

Взгляд мой длинный,

взгляд ломается на миг,

сквозь туман фаты старинной

трогает невесты лик.

Бьет догадка.

Золотые.

косы скрыла кисея...

Неужели ты, Мария?

Маша, лапушка моя!

Жениха узнал я.

Важен!

В детстве дрался с ним не раз.

До села мне триста сажень,

к горлу нежность поднялась...

Я три года в море плавал,

над водой и под водой,

в чреве лодки, будто дьявол,

полосатый,

молодой.

Видел берега чужие

и чужие острова,

по родным дымам тужили

и душа

и голова.

Так не по себе мне что-то,

мысли спутались мои...

Въезд в околицу, ворота.

Две ветлы, как вереи.

Их кора

у корня

в дегте,

теплая свисает сень.

Мой бушлат
на сгибе локтя,
бескозырка набекрень.
Время —
рыжий август, сытый,
август — пряник на меду.
Отчий дом под щетку крытый,
и от слез невмоготу.
Гул семьи. Он свят и сложен.
Я торжественно и в лад
поцелуями обложен
и объятьями обжат.
Бескозырку золотую
примеряют братьовья.
Глядь — и самовар бунтует,
и пирог плывет...

А я
весь задумчивостью схвачен,
в голове одно и то ж:
кони скачут,
кони скачут,
тройка серых — будто нож!
Я оглядываю сенцы,
рукомойник и ушат,
утираюсь полотенцем,
руки тихие дрожат.
Бешеная малярня
гонит кровь, и я — не я.
Что наделала, Мария,
Маша, лапушка моя!

Нет с расслабленностью сладу,
признаюсь, загоревал,
то —
лунатиком —

по саду,
то взберусь на сеновал...
Через ветхий тын соседка
изловчилась намекнуть:
— Приезжаешь больно редко,
на селе-то свадеб —
жуть!
Дышит грудь, как пламя горна;
утешаю: друг, остынь!

Дрянь-тоска стянула горло,
на губах горит полынь.
Где-то свадьба, взлет веселья,
яблошный гуляет Спас,
мне же на сердце осели
тени, тени...

Черный час!
Ревность — дикая стихия,
разыгралась — не унять.
А за мной

следят родные,
молча взглядывает мать.
Теплится их опасенье
(как бы не было беды),
нервами ловлю я всеми
взглядов тайные следы.
В теле

ширится тревога;
в заголодь себя я вверг...
Вот сейчас

там
от порога
стелют шубу шерстью вверх;
новобрачным класть поклоны
на коленях...

Жив обряд.
По обычаю иконой
предки их благословят;
и пройдет молодница,
чтобы виделася стать,
так с ведром

по половице,
чтоб воды не расплескать...
Все представилось разом!
Ревность роет грудь,

что крот.
Оступился, видно, разум,
сердце бросилось вперед.
Через мост и до Заречья,
будто гнал меня прибой.
Окна настежь, выются речи,
праздник окружен толпой.
Я шагнул среди проворных
пестрых свах,

незванный гость.

Свадьба ходит в бусах-зернах,
в песнях шелково-просторных,
с боку на бок, вкривь и вкось.
Посреди гармонь играет,
звуки музыки парят,
на столах еда пылает,
мощно четверти стоят.
Величают гости, тешат:
со княгиней яхонт-князь!
Я стою в дверях,
как леший,
к притолоке прислонясь.
Я, конечно, длинным оком
облетел —

туда,
сюда...

О!

Насторожился свекор —
на два клина борода.
А свекровь в паневе яркой,
цвета селезня подол,
с блюдом на подносе,
с чаркой.

И ко мне:

— Коли пришел,
выпей водочки, касатик,
закуси — хорош залом,
пирожка с вязигой...

Кстати,
посидел бы за столом.
Говорю:

— Не пью, спасибо.

Думаю:

судьба — судья.
Чую, что дошла до сипа
свадебная толчея.
А невеста —

как в обиде,
пляшет, а в глазах круги,
ничего она не видит,
только видит сапоги,
лишь мужичьи обсоюзки
да девичьи башмаки.

А кругом
 куренья сгустки,
запах водки и закуски,
фраз веселые куски.
Темь в ресницах
 вдруг взбухает,
словно от плакун-травы,
суженая замирает:
лишь одна гармонь играет —
гармонист без головы.

Дом чужой,
 глаза чужие,
жизнь — чужая колея.
Что ты сделала, Мария?
Маша, лапушка моя.
Я легко гашу виденье,
тяжело тоску гашу,
поворачиваю зренье,
в неизвестность ухожу.
Солнца львиный лик —
 в печали
в небе движется пустом.
Бездна сна на сеновале,
будто вечность под крестом.
Что мне снится?

Горький,
 острый
повторяющийся сон:
морем выброшен на остров,
кажется — я Робинзон.
Между сушей и водою
обессиленный лежу,
обнимаемый волною,
я прерывисто дышу.
Будто буря раскололась,
навалилась глухо грусть.
Подает волна мне голос:
— Господи, не добужусь...

Наважденье,
 рябью — мрия...
Вырвался из забытья.
Что ты сделала, Мария?

Маша, лапушка моя.
Звезд над крышею скопилось
непостижное число.
Как же здесь ты очутилась?
Поздний час.

Играет зло.

— Что мне сплетни, если счастье...—
слышу затаенный вздох.—
Там теперь переполох...
Все напасти в нашей власти,
сердце судит, видит бог!
Как рассудит —

так и свято,
я ждала тебя, ждала,
он четыре раза сватал,
я четырежды не шла.
Он солгал.

Обман.

А это
душу накрик мне свело,
будто ты женился где-то,
не воротишься в село.
А родные ныли глухо —
будет справная родня...
Засиделась. Вековуха.
И попутали меня.
А увидела тебя я —
и сомлела до слезы,
будто вырвалась, сияя,
из смертельной чарусы.
Постелили нам в амбаре.
Я сказала жениху:
«Ты пойми, любезный парень,
быть твоею не могу.
Не ищи худого слова
и угрозы не готовь,
под топор

сама готова —
пусть останется любовь».
А к тебе я по задворкам —
крылась,

кралась,
но бегла
через пашню,
по пригоркам,

помогала славно мгла.
Изошла тоской по ласке...
Где скитался?
Где ты был?
Мы в объятьях, будто в сказке...
Предаю секрет огласке:
— По делам
по государским
тихо за море ходил...

СОНЕТ

Благодарю тебя, воображенье,
ты мой неутомимый поводырь.
Обшариваю смутно жизни ширь,
в душе играет терпкость искушенья

владыкой быть в искусстве воскрешенья.
Душа, стремленья не утихомирь,
дай лад выдумывать лес и пустырь,
мужей и жен, умов самосожженье...

Воображенье — буря мастерства!
В нем вяжется по следу водополья
в единый луг разгульная трава,

в нем проступают доли торжества:
прапамятью нанизанные с болью
на мысль мою прозревшие слова.

СОДЕРЖАНИЕ

Дорога	3
Родное	4
Утренняя песня	4
Пробуждение	5
Руки	6
«Да что ж это — быть или небыль...»	7
На пустыре	7
Страда	8
«В этом мире и поля и пуши...»	8
Миг	8
Единство	9
Осеннее состояние	9
Ожидание журавлей	9
Уход	10
Сон	11
Расправа	12
Подранок	12
Круглый год	14
Этюд войны	15
Горечь	16

Из цикла «МАРИЙСКИЕ МОТИВЫ»

1. Телефон	16
2. Выздоровление	17
Герб города Змиева	17
«Восторженны товарищи мои...»	18
«Ночь с острою луной...»	18
Герб города Мологи	19
Невеста	21
Пространство	22
Хлеб	22
Век	23
Свадьба моей жены	23
Сонет	30

Сергей Александрович ПОДЕЛКОВ
ОЖИДАНИЕ ЖУРАВЛЕЙ

Стихи

Редактор **Е. А. Антошкин**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

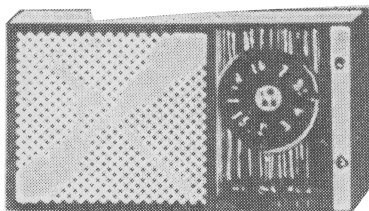
Сдано в набор 15.12.83. Подписано к печати 03.02.84. А 00319. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,70. Тираж 100 000 экз. Изд. № 557. Зак. № 1905.
Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена 15 коп.

Индекс 70668

НЕЙВА*402

**«НЕЙВА-402» — РАДИОПРИЕМНИК
ДЛЯ ВСЕХ!**

Он обладает большими возможностями: на волнах радиоприемника звучат любые радиостанции мира, работающие в диапазонах длинных и средних волн.

«Нейва-402» весит всего 370 г.

Цена — 36 руб. 05 коп.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»